

Демократия: от нормативного кризиса к новой парадигме

Democracy: from the normative crisis to a new paradigm

Балиев Л.О.

Независимый исследователь
e-mail: baliev@bk.ru

Baliev L.O.

Independent researcher
e-mail: baliev@bk.ru

Аннотация

Статья «Демократия: от нормативного кризиса к новой парадигме» исследует глубинные причины хронического кризиса современных демократических институтов. Автор утверждает, что кризис носит не только институциональный, но и фундаментально концептуальный характер, будучи усугублён терминологической неопределённостью ключевых понятий. В статье вводится тезаурус, чётко разграничивающий нормативные и идеальные дефиниции таких концептов, как демократия, государство и народ. Центральный тезис заключается в том, что «нормативный кризис» и «родовая травма» демократии коренятся в противоречии между процедурой делегирования власти и доминирующим в обществе «макро-габитусом выживания». Посредством анализа механизмов культурной репродукции демонстрируется, что электоральная демократия систематически воспроизводит логику стагнации, блокируя социализацию инноваций и устойчивое развитие. В качестве выхода предлагается парадигма «Трансформационной демократии» — двухстадийная модель управляемого политического развития. Её ключевой элемент — принцип добровольной самоселекции электората, призванный структурно повысить уровень политической культуры и создать условия для перехода к «Демократии_2» — идеалу неотчуждаемого и постоянно актуализируемого народовластия. Статья представляет собой путь от диагностики концептуального тупика к проектированию стратегического выхода.

Ключевые слова: нормативный кризис демократии, демократия, габитус, культура, трансформационная демократия, самоселекция электората, суверенитет, делегирование власти, социокультурная эволюция, родовая травма демократии.

Abstract

The article “Democracy: From the Normative Crisis to a New Paradigm” explores the profound causes of the chronic crisis afflicting modern democratic institutions. The author argues that the crisis is not only institutional but also fundamentally conceptual, exacerbated by the terminological ambiguity of key notions. A thesaurus is introduced, clearly distinguishing between normative and ideal definitions of concepts such as democracy, state, and the people (demos). The central thesis posits that the “normative crisis” and “original trauma” of democracy stem from the contradiction between the procedure of delegating power and the dominant “macro-habitus of survival” in society. Through an analysis of cultural reproduction mechanisms, it is demonstrated that electoral democracy systematically perpetuates a logic of stagnation, blocking the socialization of innovations and sustainable development. As a solution, the paradigm of “Transformational Democracy” is proposed — a two-stage model of managed political development. Its key element is the principle of voluntary self-selection of the electorate, designed to structurally elevate the level of political culture and create conditions for a transition to “Democracy_2” — the ideal of inalienable and constantly actualized

popular sovereignty. The article charts a path from diagnosing a conceptual impasse to designing a strategic way forward.

Keywords: normative crisis of democracy, democracy, habitus, culture, transformational democracy, electorate self-selection, sovereignty, delegation of power, sociocultural evolution, original trauma of democracy.

Введение

Демократия как политическая форма организации общества сопровождает человеческую цивилизацию с античных времен. Ее классические истоки, такие как реформы Солона в Афинах VI в. до н.э., заложили фундамент представлений о народовласти и участии граждан в управлении. Однако, несмотря на тысячелетия теоретических разработок и практического воплощения, мы и сегодня не можем утверждать, что преодолели нормативный кризис, связанный с самим понятием демократии. Этот кризис проявляется в растущем разрыве между ее идеализированными принципами и реальной практикой, в хронических вопросах о том, кто, как и в каких границах должен осуществлять «власть народа».

Значительная часть теоретических проблем, связанных с демократией, коренится в фундаментальной неопределенности и полисемии ключевых терминов, используемых в этой проблематике. Как отмечал Г. Лассуэлл [1], концепции, имеющие центральное значение для политической науки, такие как «власть», «влияние», «демократия», «государство», остаются предметом непрекращающихся споров. Их определения никогда не бывают нейтральными и всегда несут в себе следы идеологических предпочтений исследователя. Например, является ли демократия исключительно процедурой свободных выборов или же она обязательно включает в себя гарантии социальных прав? Что есть «народ» — однородное сообщество граждан или совокупность разнородных и конфликтующих групп? Что является высшим выразителем воли народа — парламент, референдум, улица или алгоритмы цифровых платформ? Эта терминологическая многозначность — не просто предмет академических дискуссий. Она порождает реальные политические конфликты, затрудняя как научный анализ, так и поиск общественного согласия по поводу того, как развивать демократические институты.

Для устранения указанных недостатков необходимо иметь четкую систему дефиниций основных понятий, используемых в рамках настоящей статьи. В ряде случаев я буду приводить два определения одного термина: первое – текущее нормативное (описывающее реальность) и второе – идеально-дескриптивное (указывающее на цель или сущностный идеал). Такой краткий тезаурус определений позволит читателю лучше ориентироваться в тексте и способствует достижению взаимопонимания среди исследователей и участников общественных дебатов.

Итак, во избежание смысловых разночтений, в рамках данной статьи основные концепты понимаются следующим образом:

- **Государство_1** — это суверенная политическая организация, обладающая монополией на легитимное принуждение на определенной территории и специализированным аппаратом управления.

- **Государство_2** — организационная форма осуществления власти, делегируемой обществом.

- **Гражданское общество_1** — автономная от государства сфера добровольной самоорганизации граждан, состоящая из сети неполитических ассоциаций, неправительственных организаций (НКО), инициатив и публичных коммуникаций.

- **Гражданское общество_2** — форма самоорганизации социума, при которой исчезает необходимость в классическом политическом представительстве, так как постоянно действующие и инклюзивные механизмы делают государство прозрачным и непосредственным исполнителем сформированного в них общественного запроса.

- **Демократия_1** — политический режим, в котором суверенитет признается за народом и реализуется через систему институтов, обеспечивающих политическое равенство, подотчетность власти и конкурентные процедуры её замещения.
- **Демократия_2** — идеальная форма политического бытия общества, при которой его суверенная воля не отчуждается в чью-либо пользу, а постоянно воспроизводится и актуализируется через публичные механизмы.
- **Культура** – воспроизводимый опыт выживания и развития.
- **Народ (demos)** — политическое сообщество граждан, обладающих правами на участие в осуществлении публичной власти.
- **Нормативный кризис демократии** — состояние, при котором возникает глубокий разрыв между общепринятыми идеалами и ценностями демократии и их практическим воплощением, ведущее к утрате легитимности институтов и дезориентации в целях развития.
- **Общество** — народ (demos), организованный как политическое целое, источник легитимности публичной власти. В этом смысле общество есть суверен, а государство — его институциональный инструмент.
- **Политика_1** — процесс постоянной, инклюзивной и рефлексивной артикуляции общего блага (res publica), в котором снимается противопоставление между управляющими и управляемыми.
- **Политика_2** — сфера жизнедеятельности общества, связанная с получением, удержанием и использованием власти.
- **Суверенитет** — верховная, независимая и самоопределяющаяся власть.

Таким образом, современный кризис демократии носит не только институциональный, но и глубоко концептуальный характер. Преодоление этого тупика невозможно без ревизии понятийных основ. Данная статья ставит целью проследить путь от диагностики нормативного кризиса, усугубляемого терминологической путаницей, к контурам новой парадигмы. Эта парадигма должна предложить не только обновленные институциональные решения (что остаётся в фокусе большинства современных исследований), но, главным образом, дать более ясный и адекватный современности концептуальный аппарат для понимания демократии в XXI в.

Нормативный кризис как родовая травма демократии

Нормативный кризис демократии во многом обусловлен тем, что ключевые категории, используемые в её описании, остаются концептуально размытыми. Демократия одновременно мыслится как процедура, как ценность, как режим, как идеал и как исторический опыт. Эта полисемия порождает конкурирующие интерпретации и затрудняет выработку согласованной теоретической позиции.

Однако за многообразием определений скрывается более глубокая проблема: разрыв между нормативным идеалом народного суверенитета и реальными механизмами коллективного принятия решений. Современная представительная демократия институционально оформлена как система делегирования, тогда как её легитимация опирается на идею непосредственного народовластия. Именно в этом расхождении и коренится «родовая травма» демократии.

Для анализа данного противоречия недостаточно ограничиться процедурным описанием институтов. Необходимо обратиться к тем устойчивым диспозициям, которые структурируют коллективное поведение и задают пределы возможного в политике.

Если рассмотреть логическую историю развития демократии, то можно отметить следующие ее особенности:

1. В классической европейской традиции (на примере Афин) демократия как система институтов сложилась в рамках уже существующего полисного государственного устройства, преобразуя, а не отменяя его. Однако в широком историческом контексте элементы коллективного самоуправления и принятия решений могут возникать на разных этапах

формирования политической организации общества. Тем не менее, все ранние попытки установления самоуправления (прямой демократии) как формы осуществления суверенитета заканчивались отчуждением (делегированием) его в те или иные государственные системы. Как показывал еще А. де Токвиль [2], в больших нациях непосредственное народовластие неизбежно принимает представительную форму. Таким образом, суверенитет народа по необходимости делегируется и, следовательно, в какой-то мере утрачивается.

2. Историческое различие между прямой и представительной демократией, при всей его важности, не должно заслонять собой общую для всех исторических форм демократии проблему: институционального ограничения круга непосредственных участников принятия решений, хотя это ограничение в двух моделях и носит разный характер, порождая принципиально разные типы политической субъектности, подотчётности и публичной сферы. Таким образом, одной из основных проблем демократии становится проблема эффективности делегирования (части) суверенитета.

3. Западная политическая мысль и практика, начиная с XVII–XVIII вв., совершили стратегический поворот. Столкнувшись с невозможностью найти фундаментальное решение проблемы отчуждения власти, они отказались от идеи упразднения представительства. Вместо этого был избран путь институционального и теоретического «канализирования» и «цивилизования» этой «родовой травмы». В этом смысле демократия не смирилась с травмой, а приняла её как хроническое заболевание, с которым нужно учиться жить, постоянно разрабатывая новые терапевтические процедуры (институты) и поддерживая иммунитет (гражданскую активность). Другими словами, при выборе между фундаментальным и паллиативным решением предпочтение было отдано паллиативу. Этот вывод подтверждает и Иэн Шапиро [3]. Современная демократическая теория – пишет он - в значительной степени отказалась от идеи народного суверенитета как реального воплощения общей воли. Вместо этого она сосредоточилась на менее амбициозных, но более достижимых целях: контроле над злоупотреблениями власти, обеспечении подотчетности и создании институтов, способных корректировать свои ошибки. Это демократия как «второстепенное благо» (second-best remedy), а не как воплощение идеала.

4. Демократия как политический режим основана на легитимном и обратимом делегировании народного суверенитета, стандартной современной формой которого являются всеобщие выборы. Этот первичный политический акт следует принципиально отличать от вторичных процедур принятия решений (парламентских, правительственных, референдарных), которые получают свою демократическую легитимность именно через связь с актом делегирования. Смещение этого учредительного акта с рутинными процедурами коллективного принятия решений (в том числе в неполитических сообществах) ведёт к концептуальной эрозии самого понятия демократии. По мнению Дж. Сартори [4], когда слово «демократия» применяется ко всему, что считается хорошим в политике, оно перестаёт быть полезным аналитическим инструментом. Мы должны отличать демократию как систему правления от демократии как социального состояния или набора ценностей. Сведение её лишь к процедуре коллективного решения безотносительно к вопросу о верховной власти — это семантический редуционизм.

Итак, одновременно с зарождением демократической формы политического бытия общества возникла и проблема осуществления этого бытия. И если учесть, что для отыскания «формулы демократии» человечество затратило тысячелетия теоретических и практических усилий, то результат, который получен в виде современной демократии, вряд ли можно назвать удовлетворительным. Поэтому мы начнем свое исследование с анализа причин, по которым используемые механизмы электорального делегирования исполнительной власти оказались неэффективными. Именно «исполнительной власти», поскольку законодательная власть в демократическом обществе, согласно Ж-Ж. Руссо [5], неотчуждаема принципиально.

Сформулируем проблему в виде следующего тезиса: каким образом существующие демократические (прежде всего, электоральные) процедуры делегирования полномочий исполнительной власти систематически приводят к выбору руководителей, чья совокупная

эффективность (включая компетентность, репрезентативность и легитимность) в решении актуальных задач развития и выживания общества признается неудовлетворительной?

За долгое время существования плебисцитарной демократии было обнаружено множество причин ее неэффективности. Это и логика выборов как процедуры, поощряющей харизму и популизм, а не управленческую компетентность; и институциональный дизайн, ведущий к краткосрочному планированию и параличу решений; и информационная асимметрия между избирателем и кандидатом, превращающая выбор в акт веры; и парадоксы агрегации предпочтений, исключающие идеальный алгоритм выбора «наиболее адекватного»; и, наконец, конфликт функций демократии — между селекцией элит и артикуляцией интересов, где вторая подавляет первую, подрывая утилитарную эффективность власти. Однако перечисленные причины, при всей их важности, не исчерпывают сути проблемы. Они, скорее, являются вторичными симптомами или институциональными формами проявления более глубокого, субстратного конфликта, заложенного в самой социальной ткани демократизирующегося общества. Этот конфликт коренится не в ошибках дизайна, а в фундаментальных механизмах социальной и культурной репродукции. И главной причиной этого конфликта, носящей абсолютно фундаментальный, базовый характер, на которую, однако, не обращено внимание ни в одной из существующих моделей демократии, является категория габитуса (в терминологии Пьера Бурдьё) — системы устойчивых, но исторически формируемых схем восприятия и действия, и вытекающая из него гомофилия. Именно логика габитуса и гомофилии структурирует политический выбор на дорефлексивном уровне, порождая и усиливая все вышеперечисленные дисфункции. Так, например:

- Популизм можно интерпретировать как стратегию сознательной мимикрии под габитус «простого народа». Политическая борьба – писал Бурдьё [6] – есть борьба за монополию на легитимное производство мира... Успех в этой борьбе зависит от способности производить и навязывать категории восприятия, которые совпадают с габитусами тех, кого стремятся мобилизовать. Эффективный политик — это тот, кто может говорить на языке (буквально и фигурально) своей аудитории, чьи диспозиции он интуитивно понимает и воплощает.

- Информационная асимметрия усугубляется, потому что реальная компетентность скрыта за символическим фасадом габитуса. Известные политологи, авторы влиятельной теории «картельных партий» Ричард Кац и Питер Мэр [7] указывают на то, что политический выбор в условиях ограниченной информации становится «выбором вслепую», где партийная идентификация и символические коды (такие как классовая или культурная принадлежность) служат эвристиками, заменяющими глубокий анализ. Эти эвристики напрямую связаны с габитусом избирателя, который заставляет его воспринимать «своих» кандидатов как по умолчанию более компетентных, а «чужих» — как нелегитимных, независимо от фактов.

- Конфликт функций (селекция vs. артикуляция) проигрывается на этом поле: «артикуляция интересов» почти всегда осуществляется через артикуляцию идентичности, основанной на общем габитусе. Подтверждение этому мы находим у П.Бурдьё [8], который считал, что политическое поле — это пространство, в котором, через конкурентную борьбу, производится политический продукт — проблемы, программы, идеологии... Восприятие и оценка этих продуктов избирателями зависит не от сознательного рационального расчета, а от системы диспозиций (габитуса), которая является инкорпорированной формой классового условия и траектории. Таким образом, «артикуляция интересов» в понимании Бурдьё есть на самом деле артикуляция идентичности, основанной на общих или схожих диспозициях.

На микросоциальном уровне диспозиции, структурирующие коллективное поведение, описываются через категорию габитуса. Однако модели демократии оперируют макросоциальными процессами и институциональными структурами. Поэтому в дальнейшем анализе целесообразно использовать категорию культуры как агрегированное выражение множества индивидуальных габитусов.

Такая замена методологически оправдана: культура фиксирует воспроизводимые способы коллективного действия, оценки и интерпретации политической реальности. Она выступает макросоциальной формой существования габитальных структур.

В предлагаемой модели культура понимается как воспроизводимый опыт выживания и развития, закреплённый в институтах, нормах и ожиданиях. Многообразие индивидуальных габитусов образует спектр коллективных диспозиций, который в аналитических целях может быть редуцирован к двум предельным полюсам — макро-габитусу выживания и макро-габитусу развития. При этом:

- Макро-габитус выживания — это институционализируемая осторожность, политически оформленное стремление к безопасности, стабильности и охране достигнутого.

- Макро-габитус развития — это институционализируемая смелость, политически оформленное стремление к изменениям, инновациям и будущим приобретениям.

Необходимо заметить, что в отличие от габитусов, которые представляют собой реальные социальные феномены в виде тех или иных социальных групп, макро-габитусы суть не что иное, как идеально-типические конструкции (по Веберу), выделяемые лишь для целей анализируемой модели. Вместе с тем эти макро-габитусы — не просто абстракции. Они представляют собой доминирующие, конкурирующие логики коллективного действия, которые кристаллизуются из множества индивидуальных диспозиций. Соотношение макро-габитусов динамично и зависит от состояния общества в тот или иной момент времени, но есть и некоторые закономерности. Так, в любой момент времени в современном нетравматизированном обществе установки на стабильность и безопасность (ядро макро-габитуса выживания) имеют более широкую социальную базу, чем готовность к рискованным изменениям (ядро макро-габитуса развития). При этом, чтобы получить и удержать мандат, политик должен апеллировать к существующим, широко разделяемым установкам избирателей, а не пытаться формировать новые. Это закрепляет статус-кво установок. И только глубокий кризис, ставящий под вопрос само выживание системы, может временно легитимировать макро-габитус развития, дав ему мандат на радикальные преобразования (модернизация после поражения, «новый курс» после Великой депрессии). Но по мере преодоления кризиса система снова возвращается к доминированию логики выживания.

Подобное деление (на макро-габитусы) не является произвольной спекуляцией. В сравнительных исследованиях политической культуры выявлены устойчивые ценностные различия, близкие к описанной дихотомии. Так, Рональд Инглхарт [9,10] различал «ценности выживания» и «ценности самовыражения», демонстрируя их корреляцию с уровнем модернизации и устойчивостью демократических институтов. Если первые ориентированы на материальную безопасность и социальный конформизм, то вторые связаны с автономией, доверием и готовностью к участию в сложных формах политического взаимодействия. В терминах настоящей работы можно говорить о том, что ценности выживания выражают культурный полюс макро-габитуса выживания, тогда как ценности самовыражения коррелируют с макро-габитусом развития.

Таким образом, предлагаемая концептуализация получает эмпирическую опору и может рассматриваться как теоретическая реконструкция уже выявленных культурных различий.

Если культура задаёт спектр коллективных диспозиций, то представительная демократия выступает механизмом их институционального отбора. Однако логика этого отбора не нейтральна.

Модель медианного избирателя, разработанная Энтони Даунс[11], показывает, что рациональные политические акторы стремятся смещать свои позиции к предпочтениям медианного участника электорального распределения. В условиях преобладания установок на минимизацию риска медианный избиратель становится институциональным носителем макро-габитуса выживания. Следовательно, сама процедура всеобщих выборов структурно усиливает консервативную компоненту политического спектра.

Минималистская концепция демократии Йозефа Шумпетера [12] дополнительно фиксирует эту особенность. Демократия понимается как метод конкурентного отбора руководителей, а не как непосредственное выражение общей воли. Народ осуществляет периодическую селекцию элит, но не управляет непосредственно. В результате

институциональная система поощряет программы, способные мобилизовать наибольшую и наименее рискованную коалицию.

Так формируется структурная инерция: демократия, основанная на всеобщих выборах, воспроизводит преимущественно макро-габитус выживания.

Делиберативная теория, разработанная Юргеном Хабермасом [13,14], связывает демократическую легитимность с силой публичного аргумента. Однако сама возможность рациональной делиберации предполагает определённую культурную среду — доверие, готовность к рефлексии и признание процедурных норм. Если культурный спектр смещён в сторону макро-габитуса выживания, рациональный аргумент уступает место краткосрочным стратегиям минимизации риска. Следовательно, институциональное совершенствование процедур без изменения культурного баланса не устраняет структурный перекос.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что представительная демократия, основанная на всеобщих выборах, является институциональной машиной по легитимации и воспроизводству «макро-габитуса выживания». Она системно дискриминирует «макро-габитус развития», превращая его в маргинальную или оппозиционную силу, лишая общество ключевого механизма для стратегической адаптации. Тот неоспоримый факт, что демократии, тем не менее, время от времени демонстрируют успешное развитие, объясняется тем, что маргинализация «макро-габитуса развития» не лишает общество возможности спорадического развития, результатом чего и являются модернизационные успехи демократии.

Обратим внимание на то, что помимо горизонтального измерения культуры (габитальный спектр) существует и вертикальное — её уровень. Под уровнем культуры мы будем понимать функциональную эффективность наличных культурных паттернов в решении актуальных задач выживания и стратегического развития. Чем выше уровень культуры, тем к более сложным и нестандартным вызовам способно адаптироваться общество.

Чтобы понять, как доминирование того или иного макро-габитуса влияет на динамику культуры, рассмотрим типичный процесс её развития. Он включает четыре ключевых этапа:

1. Воспроизводство среднего уровня: большинство индивидов через институты социализации (семья, образование, СМИ) воспроизводят существующие, доминирующие культурные паттерны, формируя «средний уровень» общественной культуры.

2. Акт индивидуальной инновации: незначительная часть индивидов в силу обстоятельств и личных качеств совершает акты культурной инновации — создаёт новые смыслы, практики, решения, выходящие за рамки воспроизводимого канона.

3. Социализация инновации: успех этого этапа зависит от восприимчивости социальной среды. Если в обществе доминирует «макро-габитус выживания» с его установками на осторожность, подозрительность к новому и приоритет проверенных решений, новая идея, скорее всего, будет отторгнута, осмеяна или проигнорирована. Носители габитуса выживания, составляющие большинство, выступают в роли культурного фильтра, блокирующего диффузию инноваций через механизмы неформального осуждения, профессионального непризнания или институционального торможения.

4. Институционализация: только преодолев барьер социализации, инновация может быть встроена в формальные и неформальные институты общества (законы, образовательные стандарты, профессиональные кодексы, массовые практики), тем самым завершив цикл и повысив общий уровень культуры.

Таким образом, количественное доминирование носителей «макро-габитуса выживания» создаёт системное препятствие на критическом третьем этапе. Паттерны развития, рождаемые индивидуальными инноваторами, не находят массового резонанса и не социализируются. В результате развитие общественной культуры приобретает в значительной степени спорадический и хрупкий характер, систематически отставая от нарастающей сложности вызовов. Электоральная демократия, будучи механизмом легитимации этого количественного большинства, оказывается не просто неэффективным инструментом отбора управленцев, но и мощным фактором, воспроизводящим культурную

инерцию. Она сталкивается с парадоксом: будучи продуктом определённого уровня культуры, она одновременно затрудняет его переход на новую ступень, необходимую для выживания в меняющемся мире. Этот парадокс и составляет суть её «родовой травмы».

Контуры новой парадигмы: трансформационная демократия как путь к актуализированному народовластию

Проведённый анализ позволяет утверждать, что нормативный кризис современной демократии («Демократии_1») носит системный и воспроизводящийся характер. Он коренится не в ошибочном институциональном дизайне, а в фундаментальном противоречии между процедурой делегирования суверенитета и доминирующим в обществе «макро-габитусом выживания». Сложившаяся система, будучи продуктом определённого уровня культуры, одновременно блокирует его необходимый рост, воспроизводя логику стагнации и популизма.

Преодоление этого тупика невозможно в рамках парадигмы, пытающейся найти компромисс с «родовой травмой» отчуждения. Требуется иной подход, признающий демократию не статичной моделью, а развивающейся политической формой, проходящей закономерные стадии. Если диагноз верен, и демократия страдает от хронического недуга, порождённого доминированием габитуса выживания, то лечение должно быть направлено не на подавление симптомов, а на изменение самой конституции электорального тела. Именно эту задачу решает предлагаемая ниже парадигма «Трансформационной демократии» — двухстадийная модель целенаправленного политического развития, ведущего от кризиса к идеалу неотчуждаемой воли народа-суверена («Демократии_2»).

Первая стадия: трансформационная (ювенильная) демократия. Цель данной стадии — прервать порочный круг воспроизводства габитуса выживания и создать системные условия для подъёма общего уровня политической культуры. Её институциональный каркас основан на трёх принципах:

1. Принцип добровольной самоселекции электората. Активное избирательное право реализуется через двухэтапную процедуру. На первом этапе каждый гражданин делает фундаментальный выбор: либо войти в корпус выборщиков, взяв на себя ответственность за осознанный выбор власти, либо получить гарантированную компенсацию за временный отказ от этого права в конкретном цикле. Этот механизм, основанный на универсальной способности к самооценке, не дискриминирует, но структурирует электорат, создавая ядро из граждан, мотивированных к ответственному участию.

Критически важным является вопрос о защите этого механизма от возможных злоупотреблений. Следует признать, что любые процедуры, связанные с денежными компенсациями, создают потенциальные риски фальсификации и коррупции. Однако эти риски могут быть минимизированы несколькими способами. Во-первых, процедура отказа от права голоса должна быть максимально прозрачной и фиксироваться в независимом публичном реестре, доступном для общественного контроля. Во-вторых, выплата компенсации должна производиться только после завершения избирательного цикла и подтверждения отсутствия попыток двойного голосования. В-третьих, необходим независимый надзорный орган с участием представителей гражданского общества, уполномоченный расследовать подозрения в коррупции. Наконец, важно подчеркнуть, что по мере сокращения габитального дисбаланса и роста уровня политической культуры интенции к фальсификации и коррупции будут естественным образом снижаться, так как само ядро ответственных выборщиков станет основным носителем норм честности и нетерпимости к нарушениям.

2. Принцип легитимации общественных интересов. Для защиты интересов всех граждан, включая тех, кто временно делегитимировал своё прямое право голоса, перед каждым выборами независимыми институтами гражданского общества формулируется и выносится на легитимирующий референдум «Декларация общественных интересов». Все кандидаты на выборные должности обязаны признать её реализацию целью своей деятельности.

Разумеется, идеальным институциональным субъектом для разработки «Декларации общественных интересов» является «Гражданское общество_2» (см. тезаурус). Однако на начальном этапе развертывания модели «Трансформационной демократии» общество будет находиться в состоянии, соответствующем скорее «Гражданскому обществу_1». Тем не менее, эта проблема разрешима. Сообщество выборщиков, сформированное после первого тура двухэтапных выборов, само становится той социальной базой, на которой могут начать кристаллизоваться институты «Гражданского общества_2». Именно на это сообщество и следует законодательно возложить функцию периодической разработки и вынесения на референдум «Декларации общественных интересов», создавая тем самым механизм постепенного выращивания недостающих институциональных структур.

3. Принцип делиберативно-референдарного сдерживания. Любые масштабные инновационные проекты, предлагаемые властью, должны получать одобрение на специальных референдумах. Этот институт, отражающий «средний уровень культуры», служит встроенным ограничителем («внутренним цензором»), не допускающим отрыва развития от социальной приемлемости и предотвращающим болезненные расколы.

Вторая стадия: зрелая (актуализированная) демократия («Демократия_2»). Первая стадия является временной и подчинена цели — качественному изменению социокультурного ландшафта. По мере роста уровня культуры и смещения баланса в пользу сознательного выбора эффективность и необходимость селекции будут асимптотически стремиться к нулю. Когда значительное большинство граждан станет носителями установок, позволяющих осуществлять осознанный выбор, институт самоселекции утратит смысл. Целью становится возврат к всеобщим выборам, но уже в обществе, способном к неотчуждаемому и постоянно актуализируемому волеобразованию.

Главный исторический риск подобных моделей — вечная консервация «временных» ограничительных институтов. Предлагаемая парадигма содержит встроенную защиту через комбинированный механизм инициации перехода:

1. Квазиобъективный триггер. Система считается созревшей для перехода, при устойчивом выполнении комплекса статистических и поведенческих критериев (например, минимальный процент получающих компенсацию, совпадение результатов опросов и выборов, петиция значительной части самих выборщиков). Срабатывание триггера создаёт обязательство власти публично инициировать референдум об отмене селекции или дать исчерпывающее обоснование отказа под контролем независимого суда. Ключевой гарантией необратимости механизма перехода является законодательное закрепление контрольных функций за самим сообществом выборщиков — той социальной базой, на которой кристаллизуется «Гражданское общество_2». Именно это сообщество должно быть наделено правом и обязанностью следить за соблюдением процедур, связанных со срабатыванием квазиобъективного триггера, и оспаривать в суде действия власти, уклоняющейся от выполнения своих обязательств.

2. Сохранение традиционных каналов. Параллельно сохраняются все обычные демократические процедуры инициации референдума (гражданская, парламентская).

3. Финальная легитимация. Окончательное решение об отмене институтов первой стадии принимается всенародным референдумом, тем самым замыкая круг и восстанавливая полный суверенитет народа в новой, качественно иной реальности.

Таким образом, предлагаемая парадигма «Трансформационной демократии» не является утопическим проектом или точечной реформой. Это — стратегия управляемого политического развития, признающая кризис «Демократии_1» как стадию роста. Она предлагает не бороться с симптомами, а, приняв ограничения текущего социокультурного состояния, создать институциональные «леса» для поэтапного выращивания условий, при которых подлинный идеал неотчуждаемого народовластия («Демократия_2») станет не нормой-мечтой, а рабочей реальностью. Это путь от диагностики тупика — к проектированию выхода.

Заключительные замечания

Проведённый анализ позволяет сформулировать два ключевых вывода, имеющих принципиальное значение для понимания как исторической судьбы демократии, так и её перспектив.

Во-первых, исторический опыт показывает, что устойчивое функционирование демократии оказывается структурно затрудненным в условиях доминирования культурных установок, ориентированных преимущественно на краткосрочное выживание. Основная причина этого коренится не в институциональных просчётах, а в фундаментальной характеристике общественной культуры: её развитие носит спорадический, прерывистый характер, систематически подавляемое доминирующим в обществе «макро-габитусом выживания». Современная представительная демократия, будучи продуктом и одновременно механизмом легитимации этого габитуса, воспроизводит саму себя как систему, хронически не способную обеспечить переход к качественно новому уровню коллективного бытия, необходимому для ответа на вызовы усложняющегося мира.

Во-вторых, предложенное в статье решение — парадигма «Трансформационной демократии» — представляет собой один из возможных путей преодоления этого тупика. Её суть заключается не в насильственном изменении общества, а в структурном переформатировании электорального сообщества. Цель — создать условия, при которых средний уровень его политической культуры мог бы достичь минимального порога, необходимого для запуска и поддержания процессов устойчивого общественного развития. Крайне важно подчеркнуть, что ключевой механизм этой трансформации — принцип добровольной самоселекции электората — исключает законодательное или иное принуждение, опираясь на личный выбор и ответственность гражданина. Этот принцип не ограничивает политическое равенство, поскольку право голоса сохраняется за каждым гражданином в полном объёме. Его отличие от исторических форм цензов состоит в отсутствии внешнего фильтра: субъектом решения выступает сам гражданин. Таким образом, институционализируется различие между формальным правом и степенью фактической готовности к ответственному политическому участию. Это позволяет частично компенсировать структурное доминирование макро-габитуса выживания, не разрушая универсального принципа суверенитета.

Если нормативный кризис демократии обусловлен разрывом между идеалом и процедурой, а институциональная инерция воспроизводит культурный перекосяк, то задача новой парадигмы заключается не в отказе от демократии, а в её институциональном переуравновешивании. Именно в этом контексте следует рассматривать модель «Трансформационной демократии» — как попытку создать механизмы, позволяющие макро-габитусу развития получать институциональную репрезентацию без разрушения легитимности всей системы.

Однако необходимо отдавать себе отчёт в ограничениях любого теоретического проекта. К сожалению, невозможно априори предсказать, насколько эффективно предложенный механизм самоселекции изменит баланс между носителями габитусов выживания и развития в конкретном социуме. Будет ли этого достаточно для преодоления культурной инерции и запуска позитивной динамики — вопрос эмпирический. Поэтому любая попытка практической реализации данной парадигмы должна предваряться тщательными экспериментальными исследованиями и пилотными проектами, призванными оценить реальную эффективность и побочные эффекты предлагаемых институтов.

Размышления о будущем демократии неизбежно выводят на более масштабный, цивилизационный контекст. Наука детально описала биологическую эволюцию человека от *Homo erectus* к *Homo sapiens*, констатируя, что в этом измерении наше развитие в основном завершено. Однако социальная эволюция человечества далека от своего завершения. Несмотря на тысячелетия номинального прогресса, человечество в массе своей остаётся в плену исходного «габитуса выживания», определяющего логику краткосрочной стабильности в ущерб долгосрочному развитию. Это обстоятельство представляет, пожалуй,

наибольшую угрозу для нашей цивилизации: вероятность столкновения с глобальными, экзистенциальными вызовами неуклонно растёт, тогда как способность к адаптации увеличивается лишь скачкообразно, следуя за спорадическими культурными инновациями. Таким образом, выживание и будущее человечества напрямую зависят от успешности завершения этого незавершённого перехода — от Homo habitus, человека, управляемого воспроизводимыми шаблонами выживания, к Homo culturae, человеку, способному к осознанному, коллективному и устойчивому культурному развитию. Мы все являемся современниками и активными участниками этой грандиозной метаморфозы.

Наконец, зададимся принципиальным вопросом: решает ли «Трансформационная демократия» все проблемы демократического проекта? Достаточно ли исцеления от «родовой травмы» делегирования для гарантии успеха? Ответ, к сожалению, отрицателен. Демократия как сложный социальный организм сталкивается с множеством вызовов — от технологических и экономических до этических и экологических. Предложенная парадигма фокусируется на преодолении ключевого, системного препятствия для её развития — противоречия между процедурой делегирования власти и социокультурными условиями, делающими это делегирование дисфункциональным. Она предлагает путь исцеления от хронического недуга, без которого дальнейшее развитие невозможно. Но даже исцелённая, зрелая демократия («Демократия_2») будет нуждаться в постоянной адаптации, в диалоге, в мудрости своих граждан.

Таким образом, путь от нормативного кризиса к новой парадигме — это путь от диагноза к стратегии лечения. Это не утопический прыжок в идеальное будущее, а проект поэтапного, рефлексивного политического развития, принимающий человека и общество такими, какие они есть сегодня, но предлагающий институциональные «леса» для того, чтобы они могли стать лучше завтра. Исход этого пути открыт, а его успех зависит не только от качества институционального проектирования, но и от нашей коллективной способности к самоосознанию и ответственному действию.

Литература

1. Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. New York: P. Smith, 1950.
2. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
3. Shapiro I. The State of Democratic Theory. Princeton: Princeton University Press, 2003.
4. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham: Chatham House Publishers, 1987. P. 9.
5. Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1998.
6. Bourdieu P. Language and Symbolic Power / Ed. by J.B. Thompson, transl. by G. Raymond and M. Adamson. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 181.
7. Katz R.S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. Vol. 1, No. 1, P. 5–28.
8. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste / Transl. by R. Nice. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
9. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005.
10. Inglehart R. Postmaterialist Values and the Shift from Survival to Self-Expression Values. В: The Oxford Handbook of Political Behavior. Oxford University Press, 2009.
11. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Row, 1957.
12. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. Harper & Brothers, 1942.
13. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: Polity Press, 1996.
14. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1–2. Boston: Beacon Press, 1984.